На правах рукописи

КИЗИЛОВА НАТАЛЬЯ МИХАЙЛОВНА

ФИЛОСОФИЯ ЭКОНОМИКИ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ

09.00.11. - социальная философия

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора философских наук

Москва - 2007

Работа выполнена в государственном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Самарский государственный университет».

Официальные оппоненты:

Доктор философских наук, профессор Герасимов Анатолий Васильевич

Доктор философских наук, профессор Ковшов Евгений Михайлович

Доктор философских наук, профессор Литвинов Эдуард Петрович

Ведущая организация: государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Самарский государственный аэрокосмический университет им. акад. С.П. Королева»

Защита состоится 9.02. 2007 года в 13 часов на заседании диссертационного совета Д 212.141.12 при Московском государственном техническом университете им. Н.Э.Баумана по адресу: 105005, Москва, Рубцовская наб., д.2/18, УЛК, Ауд. 720

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке при МГТУ им. Н.Э.Баумана.

Автореферат разослан «28» декабря 2006 года

Ученый секретарь
диссертационного совета Власов С.А.

НТБ МГТУ им. Н.Э.Баумана
1780621
Кизилова Н.М. Философия эк

Общая характеристика работы

Актуальность исследования. Проблема философско-антропологических оснований экономической теории является одной из наиболее актуальных проблем современной социальной философии. Трудности методологического обоснования такой дисциплины, как *философия экономики*, связаны главным образом с тем, что последняя представляет собой еще недостаточно оформившееся исследовательское направление в рамках философии. Данная отрасль знания находится в стадии поиска собственных мировоззренческих и методологических оснований. С этим связано и то обстоятельство, что количество работ, специально посвященных философско-экономическим проблемам, пока относительно невелико. Необходимость поиска новых подходов обусловлена тем, что философское осмысление человека и общества не может быть адекватным без привлечения философии экономики. Однако методолого-гносеологические основания и собственный предмет этой дисциплины, а также то, в каком отношении она находится к современной экономической теории, – все эти вопросы нуждаются в дальнейшем обсуждении и уточнении.

Трудности в обретении философией экономики четких методологических оснований имеют, как представляется, как минимум две причины. Прежде всего, нужно сказать об отказе от марксистской философии как объясняющей модели социально-экономических процессов и взаимосвязей. Такой отказ, в свою очередь, явился следствием еще более глобальных социальных трансформаций: разрушилась та общественная система, которую, собственно, и обслуживала в теоретико-идеологическом плане марксистская доктрина. Другими словами, в России философия экономики появляется на том месте, которое долгие годы занимала марксистская социально-экономическая теория. Нет, видимо, нужды специально подчеркивать, что новые, рыночные, экономические отношения требуют для себя иного концептуального аппарата.

Согласно утверждению сторонников марксистского учения, в его основании лежит правильное понимание движущих сил исторического процесса. Марксистская концепция истории, в свою очередь, предполагала неизбежность перехода от капитализма к социализму. Тем не менее, действительное развитие цивилизации пошло по другому пути, а капиталистические формы экономической жизни оказались гораздо более гибкими, чем это мог предположить основоположник марксистского учения. Кроме того, целый ряд прогнозов Маркса о дальнейшем будущем капитализма оказался несостоятельным. В целом же, предложенная основоположником марксизма универсальная теория оказалась фактически неспособной выявить действительные следствия из во многом адекватно описанных ею социально-экономических механизмов, и, кроме того, объяснить серьезные расхождения реального социализма с его теоретической моделью.

МГТУ
им. Н.Э. Баумана
Библиотека

В этом контексте показательным является большое количество публикаций в отечественной обществоведческой литературе за последние двадцать лет. Отказ от традиционных концептуальных схем с естественностью ставит нас перед проблемой поиска полноценной альтернативы марксистской теории как целостного учения об обществе, синтезирующего в себе философские, социальные, исторические и экономические аспекты. Отметим, что аналогичная проблема существует и в современной западной философии.

Синтезирующий характер экономического подхода в марксизме связан с отношением к экономике как универсальной детерминанте общественных процессов. Однако в современном мире все большее влияние приобретает идея, согласно которой в принципе не существует какой-то одной, единой и универсальной детерминанты столь сложных и неоднозначных процессов. Однобокий экономический детерминизм, согласно этой точке зрения, искажает реальные взаимосвязи между экономической стороной жизни и другими сферами общества: социальными структурами, формами политической власти, духовной культурой. В соответствии с условиями современного культурного бытия философия экономики не может претендовать на роль универсальной объясняющей матрицы для интерпретации истории и общества.

Вместе с тем, принимая во внимание огромную значимость экономических реалий в жизни современного человека, философии экономики и ее антропологической проблематике следует отвести важное место в ряду других философских дисциплин и проблем. Как следствие, с необходимостью возникает вопрос о локализации данной дисциплины в целостной системе традиционного философского знания. Предмет философии экономики – практическая деятельность, рассмотренная преимущественно в социальном и антропологическом разрезах. Традиционное определение человеческой практики требует в современных условиях расширения и уточнения: в него должны быть включены и такие важные ориентиры практической жизнедеятельности, как *польза* и *эффективность*.

Объектом исследования выступают детерминанты и закономерности хозяйственной деятельности человека, ***предметом исследования*** являются методологические и антропологические презумпции экономических теорий и имплицитно содержащаяся в них концепция рациональности, задающие теоретическую модель «экономического человека».

Степень теоретической разработки проблемы. Существенным отличием моделей экономического человека от всех иных антропологических моделей выступает рационально организованное поведение. Концепция экономической рациональности необходимо базируется на более общем философском понятии *рациональности* как таковой. Рациональность в этом общем смысле уместно будет квалифицировать как *операциональное* понятие, то есть понятие с подвижным смысловым объемом, который задается в зависимости от контекста его употребления. Так, например, если в античности рациональное знание определяется исходя из противопоставления обыденному мнению, то в эпоху средневековья оно занимает место в оппозиции «*знание – вера*», а просветители толкуют рациональность как орудие борьбы против дог-

матизма. В эпоху Нового времени рациональное начало выступает фундаментом зарождающегося научного знания и выделяется на фоне эмпирических источников знания.

В исследованиях основоположников британского сенсуализма – Дж.Локка, Б.Мандевиля, А.Фергюсона, Д.Юма и А.Смита человек позиционируется в качестве сложного "соединения различных аффектов". Исходя из этого, выстраивается соответствующего рода социальная психология, объясняющая поведение людей. В частности, согласно Д.Юму, мораль, выступая основанием социально-политической жизни государства, является результатом *баланса индивидуальных аффектов.* Стремление к удовольствию при этом трактуется как последнее основание всякого человеческого действия. К той же антропологической парадигме относится и модель "эгоистического индивида", используемая А.Смитом как в философско-этическом учении, так и в его экономической теории. Описание рыночных закономерностей здесь основано на тщательном и всестороннем прослеживании игры интересов всех участвующих в экономическом процессе сторон: собственников земли, предпринимателей, буржуазии, торговцев и рабочих. Философия английского сенсуализма, таким образом, содержит в себе ряд философско-антропологических предпосылок антропологической модели homo economicus, согласно которой человек действует из соображений расчета, пользы, выгоды и «экономичности» в силу самой своей природы.

Иное представление о роли рациональности в экономическом повсдении и о мотивации такого поведения имплицитно присутствует в социально-философских теориях континентального либерализма (Сен-Симон, Базар, Анфантен, Конт). Для «теории индустриализма» А.Сен-Симона, в частности, характерен всеохватывающий «сциентизм»: представление о принципиальной возможности реконструкции структуры государства на базе научных инженерных принципов, прагматическая концепция социальных институтов, своеобразный культ естественнонаучного и технического мышления. Неотъемлемым признаком инженерного подхода к управлению экономическими процессами выступает сознательное планирование, контроль и управление всеми без исключения социальными процессами.

На фоне исторически изменчивых форм истолкования рациональности можно выделить некое общее понятие рациональности как разумной и адекватной ориентации в рамках какого-либо положения дел. Анализ исторического генезиса такого понятия предпринят в работах отечественных философов Н.С. Автономовой, П.П. Гайденко, Ю.Н. Давыдова. Однако данное определение не является сугубо формальным – на цели такого поведения здесь накладываются некоторые содержательные ограничения: не всякая цель может быть названа разумной, как и не всякое желание оправданно с этой точки зрения. В этой связи более узкое понятие экономического рационального поведения нуждается в ряде спецификаций и уточнений. Как следствие, предметную экспозицию понятия *рациональности* в экономических теориях можно проследить по шести главным направлениям, соответствующим основным моментам данного понятия: *оптимизация, осознанность,*

взаимосогласованность и непротиворечивость системы предпочтений, целеполагание, формализм (нейтральность в отношении содержания целей) и *антипсихологизм* (независимость от процессов формулирования выбора). Две последние характеристики исследователи традиционно относят к негативным элементам, скорее очерчивающим границы сугубо экономического понятия рациональности, нежели демонстрирующим какие-то содержательные его свойства.

В.С.Автономов, исследуя антропологические аспекты экономического поведения, различает чисто формальное истолкование экономической рациональности, понятой как совокупность способов и процедур *оптимизации* экономической системы, от так называемой функциональной рациональности, как базовой модели большинства общественных наук. Если во втором случае требование *осознанности* поведения не является необходимым, то границы экономической рациональности строго совпадают с границами ясного и отчетливого индивидуального сознания. Рациональное поведение в традиционном для социальных наук смысле можно квалифицировать как такое, которое кратчайшим (из всех возможных) путем приводит данную систему к сохранению и увеличению ее гомеостазиса (в этом смысле оно функционально)[1]. Однако именно в этом пункте заключается важное отличие такого общего истолкования рациональности от специфически *экономического* рационального поведения. Схожих взглядов придерживается и автор теории «ограниченного выбора» Г.Саймон, согласно взглядам которого моменты гомеостазиса (равновесия) какой-либо системы и ее приспособления к среде являются нейтральными по отношению к оптимальному поведению, поскольку равновесное состояние системы еще не означает ее оптимального состояния[2].

Согласно взглядам лауреата Нобелевской премии по экономике М.Алле, определение экономической рациональности формулируется в предположении, что индивид сам по себе наилучшим образом знает и определяет для себя собственные цели и оптимальные способы их достижения. На этой предпосылке экономической теории основано одно из фундаментальных ее понятий – «*предпочтение*». Эвристическая ценность этого понятия основывается на гипотезе ученого о том, что любой потребитель «отдает предпочтение тому, что сам считает предпочтительным». Взаимозаменяемость целевых предпочтений, таким образом, может быть признана отличительным свойством той модели рациональности, которая используется в экономической науке. Это означает, что факты рационального поведения в экономическом смысле можно констатировать везде, где можно зафиксировать внутренне непротиворечивую (то есть последовательную, иерархически выстроенную и независимую от внешних содержаний) *систему предпочтений*[3].

Другая важная составляющая экономической рациональности –

---

[1] Автономов В.С. Модель человека в экономической науке.- СПб., 1998.- С. 12.

[2] См.: Саймон Г. Рациональность как процесс и продукт мышления // THESIS.- 1993.- Вып. 3.- С. 74.

[3] Алле М. Условия эффективности в экономике.- М., 1998.- С. 185.

поведенческая целенаправленность. Рассмотренное в экономическом аспекте человеческое поведение интерпретируется как результат сознательных целерациональных индивидуальных действий. Впервые эта установка была сформулирована К. Менгером, а дальнейшее развитие получила в работах представителей неоавстрийской школы и Й. Шумпетера. Целеполагание при этом признается априорным: предварительное планирование деятельности предшествует самой этой деятельности. Целерациональность рассматривается и как стремление к максимальной полезности (Джевонс), и как стремление к наилучшему удовлетворению своих потребностей (Менгер), а также в виде «предпочтений», «весов» и «целей» в новейших экономических концепциях.

Отметим, что рациональность в экономической теории определяется исключительно *формально*, а именно как максимизация какой-либо целевой функции при данных ограничениях. Так, по мысли Д.Н. Хаймана, ключевая поведенческая предпосылка в моделях, используемых в современной микроэкономике, заключается в том, что поведение людей мотивируется желанием максимизировать чистый выигрыш, получаемый при осуществлении операций. При этом нахождение наилучших средств для достижения той или иной цели осуществляется безотносительно к самим конкретным целям. Формирование этой установки, разделяемой большинством современных экономистов, восходит к теории познания Д. Юма, в которой рациональность сводилась к простому формальному отношению целей и средств. Структура экономической рациональности рассматривается как полностью независимая от конкретных *психологических* процессов в рамках индивидуального сознания (сомнений, колебаний, промежуточных решений, переформулировок целей, изменения предпочтений и т.д.). Факт выбора экономическая наука анализирует в качестве самодостаточного, полного и завершенного, заключая «в скобки» его психологическую природу.

Выделенные современной экономической теорией элементы рациональности отсылают к соответствующим *антропологическим моделям* «экономического человека» как своему последнему основанию. В этом ряду определяющее место занимает модель «экономического человека» как «рационального максимизатора полезности». Ее можно обнаружить прежде всего в маржиналистских теориях предельной полезности (К.Менгер, У.Джевонс, Л.Вальрас). Базовая идея этих концепций - «максимизация полезности» - своим происхождением обязана бентамовскому утилитаристскому учению. Главным образом это касается важнейшей для Бентама концепции «максимизации счастья». Построенное на этой идее психологическое учение Бентама, в свою очередь, сильно зависит от ассоцианистской психологии XVI-XVIII вв. Важнейшие положения этой психологической парадигмы сводятся к пяти взаимосвязанным элементам: концепции опыта как комплекса чувственных впечатлений; идее непосредственного жизненного опыта как единственного источника достоверного знания; учению об индивидуальном сознании как «tabula rasa», лишенной каких-либо собственных априорных представлений, не содержащихся в опыте; редукции психического аппарата к «впечатлениям» как

его простейшим единицам и истолкованию психических функций как простого результата произвольных комбинаций («ассоциаций») таких единиц.

Заимствовав из этой традиции идею о сознании человека как «tabula rasa», управляемой внешними воздействиями через ощущения и случайные ассоциации, маржиналисты дополнили ее гедонистической концепцией человека, единственной целью которого выступает поиск наслаждений и который, дабы достичь этой цели, будет взвешивать и точно рассчитывать каждый свой шаг на пути к ней. Помимо этого, маржиналистская концепция сводит важнейшую экономическую проблему - проблему *ценности* - к психологии потребительского выбора. Антропологические предпосылки этой теории, таким образом, можно свести к совокупности утверждений о психологической природе человека.

В противоположность данной модели человека, автоматически реагирующего на раздражители внешнего мира и в своих выборах руководствующегося только чувствами удовольствия и неудовольствия, экспериментальная психология В.Вундта и бихевиористское учение Дж.Уотсона предложили концепцию активной личности, на решения и поведение которой влияет целый комплекс причин, не ограничивающихся только стремлением к удовольствию (врожденные инстинкты, разнообразные физиологические и биологические факторы). В экономической теории представители альтернативного маржинализму *«объективистского»* направления (Хикс, Самуэльсон, Фишер, Дэвенпорт) стремились вытеснить любые психологические импликации экономической науки за ее пределы. Относя проблему стоимости как ценности в разряд внешних, не-экономических проблем, приверженцы радикального антипсихологизма сосредоточиваются на анализе кривых спроса и предложения (так называемых «кривых безразличия»), которые, как предполагается, не содержат в себе никаких специальных отсылок на те или иные особенности человеческой природы. В «теории выявленных предпочтений» П.Самуэльсона от потребителя не требуется максимизировать полезность с помощью точных рациональных исчислений: он просто делает последовательный непротиворечивый выбор, предпочитая один вариант другому. Место понятия полезности занимает теперь понятие предпочтения (выбора). В рамках теории выявленных предпочтений, таким образом, убедительно демонстрируется эквивалентность непротиворечивого выбора и максимизации некоторой функции. Как полагает ученый, субъект всегда максимизирует какую-либо вполне конкретную величину (а не абстрактную идею полезности), и акты выбора, в которых осуществляется эта процедура, эмпирически наблюдаемы. Последнее обстоятельство позволяет выстроить данную теорию в соответствии со строгими критериями научности[4].

Свое развитие тенденция радикального антипсихологизма получила в теории Дж. Хикса, в которой переосмысление основных положений маржинализма привело к «переписыванию» гедонистических свойств

[4] См.: Автономов В.С. Человек в зеркале экономической теории (очерк истории западной экономической жизни).- М., 1993.- С. 42-43.

человеческого поведения в терминах концептуального языка математики. Речь здесь идет о таких анонимных свойствах кривых безразличия, как выпуклость, непрерывность и гладкость. При этом данные понятия и свойства по-прежнему имеют в теории статус необсуждаемых постулатов, что указывает на их генетическую связь с маржиналистскими допущениями. С другой стороны, эта теория фактически продемонстрировала принципиальную независимость теории цены от каких бы то ни было психологических предпосылок гедонистического толка. Бентамовская психология при этом оказалась только одним из возможных способов описания ценовой динамики, утратив свой приоритет в решении подобных вопросов. В целом, объяснению причины выбора этот ученый предпочел регистрацию самого факта выбора. В результате психологические свойства выбирающего человека были модифицированы в простейшие свойства математических функций.

Другой вариант критики психологических и антропологических презумпций маржиналистской теории представлен в концепции основоположника институционализма Т. Веблена. Рассмотренная с точки зрения имплицированной в ней антропологической и психологической модели поведения, эта теория представляет собой синтез эволюционного учения Ч.Дарвина, новой психологии У.Джеймса и отдельных психологических идей У. Магдугалла. Веблен выделяет две поведенческие модели экономического человека, образующиеся из различных комбинаций базовых человеческих инстинктов («институтов») - «промышленное поведение» и «денежное соперничество». Последняя может порождать бесполезные образования, которые в экономическом отношении зачастую даже не направлены на непосредственное извлечение прибыли: например, деятельность крупных предпринимателей-монополистов, ориентированная на приобретение как можно большей части самой промышленной системы, является разрушительной для процесса общественного производства, тормозит и блокирует его эффективность. Как следствие, модель ищущего наслаждений рационального максимизатора оказалась непродуктивной для адекватного описания такого экономического поведения[5].

Разбирая общие вопросы экономической рациональности, Маршалл указывает на ее *гипотетический статус*: все человеческие действия в экономике рассматриваются в таком контексте, как если бы они были полностью рациональными. В этой связи В.С.Автономов обозначает границы применимости понятия «рациональной максимизации полезности»: отсутствие необходимости учитывать возможные ответные действия других индивидов и введение ряда дополнительных гипотез, моделей и предпосылок (например, гипотеза об одинаковом поведении экономических субъектов, концепция конкуренции, равновесия и всеохватности рынков и др.). По Л. фон Мизесу, абсолютно рациональное человеческое поведение было бы возможно только в условиях совершенного рынка, и если соответствующая антропологическая модель в отдельных случаях не работает, то это может означать только

[5] Веблен Т. Теория праздного класса.- М., 1984.- С. 73 – 82.

несовершенство самого рынка, искажающее влияние на него внешних факторов.

Философский анализ оснований хозяйственной деятельности представлен работами Р. Ролза. В данной теории представление о рациональности как априорном требовании к субъекту экономической деятельности дополняется критерием моральности, который сводится к принципам «равной свободы» и «равной доступности». Кроме того, здесь вводится и посредством логико-философского инструментария анализируется *принцип рациональной эффективности* как ключевой для понимания поведенческой структуры современного хозяйствующего субъекта. Аксиологические аспекты и ценностная нагруженность экономической деятельности всесторонне проанализированы Г.Зиммелем, В. Зомбартом и М. Вебером. Анализ взаимосвязи между феноменом европейской *рациональности* и новым социально-антропологическим типом экономической *деятельности* (буржуа и предприниматель) порождает целый комплекс вопросов и тем, поставленных в исследованиях данных авторов: прослеживание генезиса структуры экономической рациональности, экспликация ее важнейших элементов и конститутивов, анализ соотношения материальной структуры хозяйства и «капиталистического духа», описание функционирования экономической рациональности в конкретной хозяйственной ситуации, исследование традиционалистской культуры как фактора ограничения экономической рациональности, изучение этических и психологических черт раннего Homo Economicus, анализ протестантской культуры как фактора ассимиляции структур рациональности, осмысление оснований концепции экономической культуры как «социального тела» Homo Economicus, и, наконец, концепция «капиталистического духа» в качестве онтологического условия функционирования экономической рациональности.

Широкий мировоззренческий и социо-культурный контекст экономической деятельности также задан основателем отечественной «философии хозяйства» С.Н.Булгаковым и его современными последователями (Ю.М.Осипов, Л.А.Тутов)[6]. Таким образом, проблема специфических структур экономической рациональности и антропологических предпосылок экономической теории к настоящему времени уже осознана научной мыслью в качестве важной, широкой и относительно самостоятельной проблематики социальных наук и междисциплинарных исследований; однако уровень собственно концептуальной проработки этой проблемы в современной научной литературе еще недостаточен: не выработан собственно *философский* инструментарий для анализа ключевых моментов хозяйственной деятельности.

Цель и задачи исследования. Цель диссертационного исследования состоит в методологическом обосновании философии экономики посредством

[6] См.: Булгаков С.Н. Народное хозяйство и религиозная личность // Булгаков С.Н. Соч.: В 2-х т.- М., 1993.- Т.1.; Булгаков С.Н. Философия хозяйства // Там же; Осипов Ю.М. Философия хозяйства.- М., 2001; Тутов Л.А. Философия хозяйства. Опыт духовного преображения.- М., 2003 и др.

разработки антропологических и эпистемологических аспектов экономической теории.

Достижение данной цели закономерно предполагает решение следующих взаимосвязанных задач:

- выявить и разработать общую формальную структуру хозяйственной деятельности в рамках рыночной модели экономики посредством анализа реалий современной экономической жизни (социально-имущественной дифференциации, феномена бедности, государственной политики перераспределения доходов и т.д.);
- тематизировать аксиологические основания и духовно-этические предпосылки экономической деятельности;
- эксплицировать общие антропологические предпосылки экономических теорий;
- обосновать методологические требования к антропологической модели «Homo economicus»; представить модель «рационального максимизатора полезности» в историческом и систематическом разрезе;
- проанализировать эпистемологические допущения о характере и природе рациональности, имплицированные в экономических теориях;
- определить конститутивы экономической рациональности;
- описать составные элементы процедуры принятия экономических решений.

Методологические основания исследования. В работе широко применяются базовые методы концептуализации сложных и многоплановых явлений, используемые в общественных науках: анализ, обобщение, дедукция, идеализация, абстракция, моделирование и конструирование, выделение «идеальных типов». Принимая во внимание такую характеристику модели Homo economicus, как идеализация, представляется возможным обозначить ее методологический статус как «идеальный тип». Это широко используемое в современных социальных науках понятие обладает большой эвристической ценностью. М.Вебер под «идеальным типом» понимал определенную логическую конструкцию, обладающую внутренними смысловыми связями и соединяющую диффузно и дискретно существующие единичные явления реальности, которые складываются в «единый мысленный образ» - понятие. В этом смысле понятие «человек экономический» в соответствии с его методологическим статусом нужно поставить в один ряд с такими значимыми для социальных наук моделями и понятиями, как «социальное действие», «капиталистический предприниматель», «бюрократическое управление», «харизматическая власть» и т.д.

Такой подход формирует относительно жесткий концептуальный каркас исследования и составляет необходимое условие его понятийной строгости. Помимо этого, концептуальная составляющая исследования позволяет относительно широко варьировать и сгущать отдельные аспекты рассматриваемого явления, делая его более зримым, внятным и доступным осмыслению. Только в этом случае теория получает объясняющую силу для реальных явлений. В этом смысле имплицированные в экономической теории

антропологические модели по необходимости носят характер изолирующих абстракций всего многообразия человеческого поведения, в которых намеренно заострены его специфические черты. В соответствии с изложенным выше исходным принципом исследования выступает *принцип инструментализма*, в соответствии с которым от теоретической модели не требуется буквально копировать действительность; ее задача – стать удобным и понятным инструментом для объяснения определенных феноменов.

Как следствие, в работе применяется *аналитический подход* к исследуемым явлениям современной экономической жизни, который следует отличать от *синтетического метода* философской антропологии. В последнем случае результат исследования выступает как синтез, объединяющий данные частных наук, - модели же человека в социальных науках суть лишь инструменты для построения гипотез. Предметом исследования в работе выступают действия человека, взятые в их экономическом аспекте и рассмотренные в контексте их целенаправленного характера. Такой подход следует отличать от сугубо философских методов, посредством которых осуществляется анализ самих человеческих ценностей и целей. Область диссертационного исследования составляет тот уровень существования человека, на котором он *выбирает* средства для достижения своих целей. На другом же, параллельном уровне человек способен *размышлять* о самих этих целях, их абсолютной ценности, существующей независимо от его интересов. Первый уровень составляет предмет изучения социальных наук - в том числе экономической теории и философско-экономической антропологии, - вторым же занимается философская антропология. Тем не менее, в той ее части, где речь идет об исследовании объективных формальных структур хозяйственной деятельности и экономической рациональности, данная работа закономерно предполагает обращение к *философскому априоризму* (Р.Ролз), берущему свое начало в методологической установке И.Канта.

Кроме того, методологическое обоснование философии экономики, предпринятое в данном исследовании, следует отличать от методологии широко распространенной ныне *«философии хозяйства»*. Опыт методологического сопоставления этих дисциплин, на наш взгляд, дает серьезные основания для предпочтения первого направления перед вторым. Философия хозяйства помещает свои основания в отрыве от собственно экономического предмета – в *аксиологической* (а подчас и прямо идеологической) сфере. Этого нельзя сказать о более строгой в методологическом плане философии экономики, которая, будучи нейтральной в аксиологическом отношении, стоит ближе к экономической теории, оперирующей соответствующими реалиями: объективными рыночными процессами и их взаимосвязями. Базовый исследовательский принцип, реализованный в данной работе, таким образом, можно охарактеризовать как *принцип аксиологической и идеологической нейтральности.* В целом, принципиальные различия указанных выше направлений имеют, прежде всего, аксиологическую природу: их расхождения в подходах к экономической действительности коренятся в сфере ценностей. Последнее обстоятельство

отсылает исследователя к фундаментальным мировоззренчес-ким вопросам человеческого бытия, выходящим за рамки данного рассмотрения темы. Однако, как представляется, философия хозяйства и экономическая теория едва ли могут быть примирены в рамках единой системы ценностей. Это, однако, не означает, что невозможно использовать достижения второй альтернативы, и прежде всего - фундаментальные исследования по социально-культурной истории капитализма М.Вебера и В.Зомбарта, концептуальный ресурс которых широко используется в данном исследовании.

Так, например, при анализе взаимосвязей духовных и материальных составляющих экономического процесса мы опираемся на *исторический метод М.Вебера* и его важнейшую идею - понятие *«адекватности»* (параллельности), которое противопоставляется однозначной детерминации «надстройки» «базисом» у «экономических материалистов». Отношения между капиталистической формой экономической активности и «духом», в соответствии с которым она реализуется, Вебер предлагает мыслить в терминах «адекватности», отличая последнюю от однозначной детерминации, принятой на вооружение естественными науками. Установление адекватных причинных связей тех или иных крупных исторических явлений следует отличать от поиска однозначно каузальных отношений, при которых один из двух факторов полностью определял бы другой. Скорее, здесь можно было бы говорить о более тонких и гибких отношениях соответствия, при которых оба фактора, влияя друг на друга, развиваются параллельно, но при этом относительно автономно.

В том же ключе интерпретируется и модель причинности в теории Маркса: в исследовании обосновывается положение о наличии *системной причинности*. Механическая причинность, которую рационалистическая философия автоматически распространяла на весь социальный опыт, оказывается неадекватной для описания закономерностей в этой области человеческой деятельности. Концепция механической причинности покоится на той предпосылке, что объективная социально-экономическая действительность прямо и без искажений «причиняет» человеческой субъективности сознательные образы. Основоположник марксизма, отказываясь от этого предположения, выводит образования сознания экономического агента не из непосредственного содержания отдельных объектов, якобы переносимых в сознание простым механическим отражением, а из *отношений*, складывающихся между данными объектами в системе, из их места и дифференциации в этих отношениях. О причинно-следственных отношениях между общественным бытием и общественным сознанием здесь можно говорить только в том специальном смысле, когда идеологические представления в сознании индуцируются более широкой системой и игрой отношений в ней, то есть только о *системной*, а не какой-либо иной причинности.

При анализе социально-имущественной стратификации в работе используются как структуралистская, так и конструктивистская парадигмы в социологии. Первая делает акцент на структурах, которые более или менее

жестко предопределяют поведение людей, вторая же подчеркивает относительную свободу действующего индивида, который преобразует среду (структуры) и творит их по своему собственному замыслу. Продуктивный синтез этих двух методологических установок был осуществлен П. Бурдье.

Междисциплинарное измерение настоящего исследования задается узловыми пунктами пересечения интересов ряда социальных наук современности: *психология* (анализ психологических детерминант экономического поведения и структуры мотивации), *социология* (исследование механизмов, лежащих в основании социально-имущественной дифференциации и социальной стратификации), *экономическая антропология* (выявление имплицитных антропологических оснований экономических теорий), *философская антропология* (соотнесение результатов исследования с этическим и аксиологическим контекстом экономической деятельности, с картиной человека в целом), *экономическая теория и экономический анализ* (исследование объективных закономерностей, взаимосвязей и принципов развития рыночных процессов), *социальная теория и критика* (моральная критика модели «экономического человека» и прояснение ее научной состоятельности), и, наконец, *философия экономики* (философское обобщение антропологических моделей, на которые опираются современные ученые-экономисты, а также осмысление концепции экономической рациональности через ее соотнесение с соответствующим традиционным общефилософским понятием).

Научная новизна исследования. Результаты исследования, претендующие на новизну, можно сформулировать следующим образом:

1. Выявлена и разработана общая формальная структура хозяйственной деятельности в рамках рыночной модели экономики, что позволило сформулировать основные *понятия и философско-логические принципы для анализа этой деятельности*, совпадающие с ее основными структурными моментами.

2. Вскрыты и проанализированы *аксиологические основания и духовно-этические предпосылки* экономической деятельности: а)«капиталистический дух» и специфический капиталистический этос, б)предпринимательская ментальность, в)мироощущение «профессия как призвание», г)экономическая культура как генерирующий фактор экономической рациональности и традиционная культура как фактор ограничения. Получил обоснование вывод, что индивид никогда не выступает *чистым* агентом экономической деятельности, но обладает специфическим «социальным телом», которое в исследовании представлено в качестве элемента целостной экономической культуры.

3. Эксплицированы общие *антропологические предпосылки* экономических теорий, представляющие собой сумму имплицитных допущений и предположений о том, *что* есть человек. Названные предпосылки, выступая незримым (и часто само собой разумеющимся) основанием предметно-содержательных, научных высказываний той или иной теории, сами по себе не являются предметом критической рефлексии экономистов.

4. Обоснованы *методологические требования* к антропологической модели «Homo economicus»: а)конструктивность; б)символичность; в)идеализация; г)инструменталистская и функциональная значимость. Рассмотрены исторические вариации модели «рационального максимизатора полезности» и ее систематический срез, в результате чего выявлены три ее инвариантных компоненты: информационная, мотивационная и вычислительная.

5. Проанализированы *эпистемологические допущения* о характере и природе рациональности, имплицированные в конкретных экономических теориях: а) рациональность как максимизация полезности («неоклассическое направление»); б) ограниченная рациональность (Г.Саймон); в) практическая рациональность (П.Бурдье); г) целерациональность (М.Вебер).

6. Определены базовые *конститутивы экономической рациональности*: а) рациональная организация свободного труда в форме предприятия; б) нормирование и учет хозяйственной деятельности; в) ориентация на товарный рынок; г) отделение предприятия от домашнего хозяйства.

7. Описаны необходимые составляющие конкретной рациональной процедуры принятия экономических решений: а) контроль; б) координация (действия по координации производства и сбыта); в) инициатива (активный маркетинг); г) анализ (исследование спроса и общей ситуации на рынке); д) гибкая ценовая политика (принцип «низкие цены, высокий оборот»).

Положения, выносимые на защиту.

1. Общая формальная структура хозяйственной активности в рамках рыночной модели экономики с необходимостью включает в себя пять базовых категорий, в которых удобно расчленять и анализировать структуру экономической деятельности и ее закономерности: «энергия» (страсть к наживе как первичная витальная энергия), «экономический механизм» (имманентные принципы и закономерности рынка), «объективный принцип» (тотальный характер экономического принципа), «субъективный принцип» (идея максимального извлечения полезности при ограниченных ресурсах), «экономическое действие» (непосредственная хозяйственная практика).

2. Аксиологические основания и духовно-этические предпосылки экономической деятельности являются нередуцируемым феноменом хозяйственной практики. Индивид никогда не является чистым агентом экономического действия; он с неизбежностью погружен в социо-культурную, национальную и религиозную *среду жизненных привычек* и устоявшегося образа действий. Реалии современной экономической жизни постепенно вырабатывают комплекс представлений об *экономической культуре,* по ряду признаков отличающихся от классического (веберовского) понятия «капиталистического духа»: будучи многослойным «социальным телом» экономического человека, данное образование существует вне строгих конфессиональных и национальных рамок. В этом контексте эмпирическое понятие Homo economicus в качестве психологического образа человека в экономической теории обнаруживает свой эвристический потенциал, не

позволяя исследователю отрываться от доступных непосредственному наблюдению экономико-культурных реалий.

3. Наличие *антропологических предпосылок* экономических теорий обосновывает методологическое своеобразие и собственную предметную область философии экономики, понятой как экономическая антропология. Последовательная экспликация таких имплицитных некритических допущений экономической науки в перспективе способно дать строгий *методологический принцип структурирования и организации* собственного проблемного поля философии экономики. Содержательные различия экономических концепций, в принципе, сводимы к различиям в имплицитных гносеологических моделях (выбор того или иного типа рациональности в качестве норматива экономического поведения), а эти последние – к соответствующим антропологическим моделям как своему последнему основанию.

4. Конструктивность, символичность, идеализация и инструментальный статус в качестве методологических требований к антропологической модели «Homo economicus» позволяют провести важнейшую *методологическую дистинкцию* – различить два понятия Homo Economicus: если первое предполагает Homo economicus в виде чисто *теоретической модели*, суммы антропологических предпосылок и допущений, взятых в их предельном виде, то во втором случае речь идет о *типе личности*, с соответствующим поведением, способностями, склонностями и ценностными предпочтениями. Второе понятие является производным «психологизированным» вариантом исходной модели, которая относится к нему как концептуальное понятие к его эмпирической реализации, что задает различия их логического и онтологического статуса. То, как действительно работает и функционирует рациональность Homo economicus, может расходиться с теми концептуальными условиями и теоретическими предписаниями, которые сформулированы в рамках соответствующей концепции. Недостаточная методологическая строгость в процедуре демаркации этих двух аспектов – причина критических выпадов против современного экономического человека как такового, когда символической по сути конструкции приписываются психологические качества людей в их повседневной жизни.

5. *Эпистемологические допущения* о характере и природе рациональности, имплицированные в экономических теориях, при их изучении обнаруживают общую фундаментальную предпосылку: существует *априорная и принципиальная «интеллигибельность»* рыночных механизмов, закономерностей и взаимосвязей, что применительно к практической хозяйственной деятельности означает принципиальную возможность максимально рациональной ориентации в рыночной экономической среде. Субъектные структуры рациональности, то есть те правила, нормы и процедуры, которые используются экономическим человеком в процессе принятия решений и выбора предпочтений, *конгруэнтны и коррелятивны* внутренним объективным закономерностям рыночного механизма. В этом получает выражение своеобразный «антропный принцип» современной экономической теории. Иными словами, базовые конститутивы экономической рациональности

структурно совпадают с рациональным внутренним устройством самих материальных рыночных механизмов.

6. В современных экономических условиях имеет место сущностная связь феномена рациональности и определенного типа капитализма (промышленный капитализм). Данный тип рациональности (экономическая рациональность) следует считать характеристикой, выстраивающей все поведение Homo economicus. Анализ структуры этой особой экономической рациональности и ее конститутивных элементов, проведенный на основе соответствующих исследований М.Вебера, позволяет заключить, что энергия страсти к наживе еще не является отличительным признаком капиталистического духа, - необходимо ее *рациональное оформление* по ряду признаков: а) рациональная организация свободного труда в форме предприятия; б) нормирование хозяйственной деятельности; в) ориентация экономической активности на товарный рынок, а не на политическую борьбу или иррациональную спекуляцию; г) отделение предприятия от домашнего хозяйства.

7. *Формальные* условия полноценной реализации структур экономической рациональности следует отличать от *конкретной* рациональной процедуры принятия решений, в качестве образующих элементов которой выделяются контроль, координация, инициатива, анализ рынка и гибкая ценовая политика. Закономерным следствием установления данной структуры в рамках экономической деятельности становится формирование жестких принципов экономической конкуренции.

Теоретическая и практическая значимость работы. Полученные результаты способствуют более глубокому и всестороннему осмыслению природы, места и сущности новой антропологической модели - «экономический человек», проясняют лежащие в основании того или иного конкретного экономического учения скрытые антропологические предпосылки, а также те структуры и процедуры рациональности, к которым они закономерно отсылают.

Диссертационное исследование позволяет «прочитать» экономическую теорию как *эпистемологический* «текст», в котором «зашифрованы» определенные представления о характере человеческой рациональности, тем самым обнаруживая скрытое гносеологическое измерение и общефилософский потенциал экономической науки.

Практическая значимость результатов исследования заключается в последовательном различении двух возможных модусов научной концептуализации экономического субъекта: как «образа человека» (психологический тип личности) и «модели человека» (теоретический конструкт и инструмент для научной экспликации объективных механизмов рыночных процессов).

Ряд выработанных в данном исследовании положений могут быть использованы при проведении эмпирических эконометрических исследований в качестве общего концептуального каркаса, задающего априорные и формальные границы хозяйственной деятельности как таковой. Социологические и психологические исследования также могут обрести здесь

198621
БИБЛИОТЕКА

свой теоретический фундамент, заключающийся в понятийно строгой прорисовке сущностных свойств «экономического человека» как социально-психологического типа и как современной антропологической модели.

Апробация исследования. Результаты диссертационного исследования получили апробацию на следующих научных конференциях: Итоговых научно-практических конференциях НОУ «Самарский институт управления» (Самара, 2000-2006 гг.); Всероссийской научно-практической конференции «Рынок труда и качество профессионального образования» (Пенза, 18-19 октября 2005 г.); IV Международной научно-практической конференции «Современный российский менеджмент: состояние, проблемы, развитие» (Пенза, 11-12 ноября 2005 г.); II Всероссийской научно-практической конференции «Проблемы управления экономикой в трансформируемом обществе» (Пенза, ноябрь 2005 г.).

Структура и объем диссертации. Структура диссертации определяется логикой изложения и целью исследования, отражает последовательность решения поставленных задач и состоит из введения, шести глав, девятнадцати разделов, заключения и списка литературы, включающего 190 источников.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во Введении обосновывается актуальность темы исследования, характеризуется степень ее разработанности в научной литературе, определяется объект, предмет, цель и задачи исследования, обосновывается методологическая база, раскрывается теоретическая и практическая значимость исследования.

В первой главе «Философия и экономика: поиск и обретение сфер компетенции», состоящей из двух разделов, представлена развернутая постановка проблемы методологического обоснования философии экономики и приводится аргументация в пользу локализации этой дисциплины в целостной системе философских наук в качестве «практической философии».

В разделе 1.1 «Методологический статус философии экономики» рассмотрены трудности методологического обоснования философии экономики, связанные главным образом с тем, что данная отрасль философского знания находится в стадии поиска собственных мировоззренческих и методологических оснований. Необходимость обоснования новых подходов в этой области знания обусловлена тем, что философское осмысление человека и общества не может быть адекватным без привлечения философии экономики. Отсутствие явных исходных методологических установок этой дисциплины имеет как минимум две причины: (1) отказ от марксистской философии как объясняющей модели социально-экономических процессов и взаимосвязей как следствие (2) разрушения той общественной системы, которую она обслуживала в теоретико-идеологическом плане.

Отказ от традиционных концептуальных схем ставит нас перед проблемой: какая доктрина может заменить марксизм как целостное учение об обществе, синтезирующее в себе философские, социальные, исторические и экономические аспекты. На эту роль могла бы претендовать философия экономики, но с необходимость возникает вопрос, как можно определить ее место в системе философских дисциплин. В диссертации проводится мысль об отнесении этой дисциплины в рубрику «практической философии», которая традиционно включает в себя этику, социальную философию и политическую философию. Согласно Аристотелю, целью данного учения является не познание, а человеческие поступки. Однако, для целей философии экономики традиционное определение практики является слишком общим и лишенным нескольких весьма важных составляющих, поскольку такие ценности, как *польза* и *эффективность*, также являются важными ориентирами практической деятельности. Согласно современной точке зрения, стремление к богатству не является непременным атрибутом экономической деятельности, - в своем поведении «экономический человек» стремится, прежде всего, к *максимизации полезности*. Это представление – современный вариант более общей категории эффективности. По сути, стремление извлечь максимально возможную пользу из своей деятельности, сведя к возможному минимуму ее затраты, является главным атрибутом экономической рациональности. В результате, в центре философии экономики как отрасли *практической* философии оказывается особый тип рациональности, не рассматриваемый классической экономической наукой, – *практической рациональности*.

В диссертации подчеркивается очевидная связь экономической деятельности с политическими формами социальной жизни, с одной стороны, и этическими закономерностями человеческого поведения – с другой. Общим измерением, проблемным полем дисциплин, исследующих эти вопросы, является рационально-практическая логика действия, ориентированная на эффективность и извлечение максимальной полезности из активного взаимодействия с окружающим миром. Именно вокруг этой идеи практической рациональности все перечисленные отрасли человеческого знания структурируются в качестве различных разделов «практической философии».

В разделе 1.2 «Тотальность экономического принципа: попытка обоснования» обсуждаются возможные пути и направления концептуализации экономической деятельности, обосновывается понятие тотального экономического принципа как мета-детерминанты человеческой практики.

Проблема поиска новых подходов к философскому осмыслению экономических процессов отсылает исследователя к важной оппозиции: «философия хозяйства» или «философия экономики». Хозяйственный порядок мыслится представителями различных школ «философии хозяйства» (Г.Шмоллер, П.Козловски, С.Н.Булгаков и др.) как опирающийся на духовно-нравственное сознание народа. Рассматриваемый феномен при этом истолковывается не как совокупность индивидов, преследующих свои экономические интересы, а как целостный субъект «хозяйства», объединенный внутренними морально-психологическими связями. В рамках этой школы

сформировалась достаточно жесткая оппозиция: «философия хозяйства» - «экономическая теория». Экономика рассматривается в этой концепции как всего лишь одна из форм более общего образования - хозяйства, поэтому значение той чисто научной методологии, применяемой экономической теорией («экономикс»), приверженцами данной школы признается с существенными оговорками.

Однако, отрицание взаимосвязей между экономическими теориями и собственно философскими идеями и учениями неправомерно. Большинство главных представителей австрийской экономической школы от К. Менгера до Ф. Хайека – авторы серьезных философских или методологических работ. Л.Мизес, к примеру, критиковал позитивизм и предложил проект праксеологии - социально-философской теории человеческих действий. Ф.Хайек разработал оригинальную эволюционную концепцию социальных институтов. В теории Кейнса, в неоклассической концепции рациональности, в методологических работах М.Фридмена и в его произведениях о взаимосвязи политической и экономической свободы со всей определенностью прослеживаются философские и социально-гуманитарные аспекты экономического знания

Что же касается собственного проблемного поля философии экономики, то центральным элементом этого комплекса выступает *философская антропология* экономической деятельности. Одной из специфических черт экономических теорий является использование в них неявных *антропологических предпосылок.* В рассуждениях авторов экономических концепций имплицитно присутствует одна вполне определенная «модель человека», то есть сумма допущений и предположений о том, что есть человек. Модель, о которой идет речь - *«человек экономический»* («homo economicus»), - присутствовала уже в классической политической экономии. Однако в современной экономической теории (прежде всего - в неоклассическом направлении) она присутствует в более явном виде. В данном случае «экономического человека» можно кратко охарактеризовать как *«рационального максимизатора полезности».* В диссертации отмечается, что по отношению к этой антропологической концепции существует давняя критическая традиция, берущая свое начало еще от Мандевиля и Смита. Главный предмет этой критики - утверждение о безусловном приоритете эгоистических мотивов экономического поведения человека, а также слишком узкое, по мнению критиков, понимание рациональности, которое выражается в сведении ее исключительно к максимизирующей функции.

Решающим аргументом в пользу методологических предпочтений философии экономики может стать апелляция к *экономическому принципу*, который, будучи идеологически нейтральным, помещает исследователя вне оппозиций: «эгоизм» - «альтруизм», «выгода – гуманность»; будучи неотъемлемым элементом экономической жизни как таковой, он изначально детерминирует экономическую деятельность индивида.

Во второй главе «Модернизация и ее идеологическое обоснование: исторический контекст проблемы», состоящей из трех разделов, прослеживается эволюция экономической антропологии, выявляются

исторические предпосылки модели «экономического человека» посредством анализа философско-политических идей Дж. Локка, социально-философского учения Б.Мандевиля, концепций сбалансированных аффектов Д.Юма и А.Смита, определяется принцип баланса индивидуальных интересов как условие экономической эффективности. Философско-антропологические расхождения интерпретируются здесь как фактор идеологических различий. Описывается своеобразие экономической ситуации в России, обосновывается гипотеза о России как «развивающейся стране», прослеживается своеобразие идеологической аранжировки российской экономической модернизации и вскрываются социально-мировоззренческие препятствия индустриализации, получает обоснование вывод о причинах слабости либерализма в России.

В разделе 2.1 «Философско-антропологические основания идеологии либерализма» вычленяются и анализируются теоретические и социально – философские предпосылки либерализма как интеллектуального и политического течения. В соответствии с духом британского сенсуализма Дж. Локк, Б. Мандевиль, А. Фергюсон, Д. Юм и А. Смит рассматривали индивида как "соединение различных аффектов". Исходя из этого выстраивалась соответствующего рода социальная психология, объяснявшая поведение людей в обществе, в том числе рациональные мотивы их действий. Согласно Юму, главенствующий мотив большинства человеческих поступков заключается в *стремлении к удовольствию*, само же это стремление не содержит в себе интереса к общему благу других людей. Этот тезис в сжатом виде содержит философско-антропологические предпосылки, из которых в дальнейшем вырастет интересующая нас модель человека *homo economicus*, базовыми элементами которой являются представления о расчете, пользе, выгоде и "экономичности". А.Смит объясняет моральные взаимоотношения людей исходя из модели "эгоистического индивида", которая используется им в его экономическом учении: по своей природе человек является эгоистом, но эта же природа заставляет его сдерживать собственные побуждения и проявлять заботу о других людях. По мысли Ф.Хайека, экономический либерализм разработал идею свободы с целью полностью использовать собственные знания и мастерство, руководствоваться своим интересом. Главная проблема при этом - как превратить эти ограниченные интересы в эффективные стимулы, побуждающие индивидов добровольно вносить максимальный вклад в удовлетворение *общих* потребностей. Данная интерпретация природы человека и морали принесла в дальнейшем не только прагматическое, но и моральное оправдание любой деятельности, ориентированной на собственный интерес и выгоду.

В разделе 2.2 «Континентальный» либерализм: освобождение посредством Разума» философско-эпистемологические расхождения интерпретируются как первичный фактор, по сравнению с идеологическими различиями. Так, например, в теории индустриализма Сен-Симона парламентаризм как система власти не нужен, поскольку открывает поле для конкуренции различных интересов и целей, а соответственно, затемняет и запутывает Истину (в чисто научном смысле), которая может быть только

одной и единой. Оппозиция «разум – аффекты» принимает вид противопоставления идеи рационально организованного поведения граждан и государства (континентальная философия) и представления об аффектах как первичном основании всех человеческих интересов и действий (философско-антропологические предпосылки британского либерализма).

В разделе 2.3 «Индустриализация: не-либеральный проект России» анализируются основные элементы идеологии российской экономической модернизации и причины слабости либерализма в России. В диссертации выделяются ряд экономических причин своеобразия (и замедления темпов) российской индустриализации: а) слияние власти и собственности; б) слабость инфраструктуры: исторически Россия - аграрное государство, в котором город не несет функции экономического развития); в) зависимость экономики от государства в значительно больших масштабах, нежели на Западе; г) акцент на внешнюю политику с ущербом для развития внутренних рынков и, соответственно, минимальное государственное поощрение экономической инициативы «низов», основной массы общественно-производительных сил.

Анализ своеобразия идеологической аранжировки экономических процессов индустриализации в России выявил следующие детерминанты этих процессов: а) несостоятельность российской интеллигенции в качестве возможной социальной базы и проводника идей либерализации; б) отличная от европейской идеологическая «начинка» экономических процессов модернизации; в) наличие целого ряда социально-мировоззренческих препятствий для либеральной идеологии, в том числе - негативный образ предпринимателя в массовом сознании; г) слабое самосознание отечественной буржуазии.

В третьей главе «Социальное неравенство: экономический аспект проблемы», состоящей из трех разделов, анализируется более широкий контекст социальных, экономических и идейно-духовных реалий современного «экономического человека», которые составляют среду его самореализации и обуславливают специфику его формирования: бедность как социальное явление современной экономической жизни, «антропологическая катастрофа» как ее доминирующий идейный и духовный контекст, «общество потребления» как типичный социально-экономический феномен современности. Прослеживается ряд универсальных закономерностей и принципов описываемых процессов и реалий; социальные аспекты исследуемых явлений при этом раскрываются как объективные и закономерные эффекты экономических детерминант.

В разделе 3.1 «Анализ экономической дифференциации общества: история вопроса» прослеживается история изучения бедности в экономических теориях, формулируются критерии и определяются первичные дистинкции этого феномена. Рассматриваются два определения бедности, в зависимости от того, какой *критерий* положен в их основание. Ряд исследователей связывают бедность с вопросами удовлетворения базовых потребностей и выживания в биологическом смысле. В соответствии с другим пониманием бедности, последняя выступает прежде всего как социо-

культурный феномен, то есть как *уровень* показателей, необходимых для полноценной «культурной» жизни в обществе и позитивной общественной оценки. А.Смит подчеркивал роль общественной оценки в конструировании представлений о бедности, Прудон противопоставлял друг другу «пристойную бедность» и «пауперизм», относя последний на счет развития капитализма. Согласно «теории пролетаризации» Маркса, в результате растущей конкуренции происходит разорение многих предпринимателей и пролетаризация средних слоев, крестьян, мелкой буржуазии, а в итоге - дальнейшее обнищание пролетариата. И пролетаризация, и пауперизация, согласно теории Маркса, являются следствием «всеобщего закона капиталистического накопления», суть которого сводится к прямой зависимости между ростом совокупного капитала, с одной стороны, и ростом пауперизации - с другой. В «теории обнищания» и «теории пролетаризации» рост пауперизации выступает как элемент более общего и глобального процесса – роста пролетаризации, а оба они – следствия развития капитализма. Эта закономерность носит характер «абсолютного закона» капиталистического общества, а бедность – его имманентное свойство. В диссертации отмечается, что теория «обуржуазивания пролетариата» Ф.Энгельса в наши дни обнаруживает определенное рациональное зерно: растет тенденция, в соответствии с которой выходцы из рабочего класса постоянно пополняют средние слои общества, а по уровню жизни часть тех, кого в марксистской транскрипции следовало бы отнести к «пролетариату» - квалифицированные рабочие - давно приблизилась к среднему классу.

В разделе 3.2 «Политэкономия неопределенности»: новый контекст осмысления проблемы экономического неравенства» анализируется современный феномен потребления и понятие «общества потребления», прослеживаются духовные, этические и аксиологические последствия экономической модернизации, прослеживаются полярные социальные тенденции «общества потребления», вскрыта их имманентная логика, показан закономерный, объективный характер. Проводится сравнительный анализ марксистского подхода к анализу общества и концепции общества Х.Ортеги-и-Гассета как его возможной исследовательской альтернативы.

С 1950-х годов в западных странах начался переход к так называемому *«обществу потребления»* - постиндустриальному обществу «всеобщего благосостояния», для которого характерно бесконечное умножение объектов, услуг и товаров. Фундаментальные трансформации общества и человека заключаются сегодня в том, что человек оказывается в новой, практически полностью искусственной среде объектов, в которой обмен людей друг с другом сменяется обменом товарами и сообщениями. Главной чертой производственного процесса становится все большая автоматизация производства и, как следствие, растущая производительность труда, результатом чего становится постоянный и стабильный приток новых услуг и товаров, осуществляемый усилиями относительно небольшой части общества. Согласно современной западной социологии, постепенно вырисовывается новая тенденция такого общества: *потребление начинает доминировать над*

производством. Данная тенденция, в свою очередь, коррелирует с соответствующим новым экономическим типом человека: это потребитель как таковой.

Однако, согласно воззрениям Х. Ортеги-и-Гассета, капиталистическая экономика и соответствующая идеология – главные причины серьезнейшего *кризиса всех базовых гуманистических ценностей*. Апогей этого кризиса философ видит в современном ему мире, когда распад духа европейской цивилизации воплощается в главной фигуре этого мира – в так называемом *«человеке массы»*. По своей социальной атрибуции этот социально-психологический тип относится прежде всего к рабочим крупных промышленных предприятий. Для Маркса отчуждение, рост нищеты и разделение труда были теми составляющими, которые в итоге неминуемо приводили пролетария к потере собственной личности и деградации. В этом сходство двух позиций, но есть и существенное различие. Средний нивелированный человек «Восстания масс» требует преобразования общества под свои примитивные массовые стандарты, что неизбежно ведет к деградации культуры и загниванию самих начал цивилизации. У Маркса же промышленный рабочий – социальная база и провозвестник будущих оздоровительных для общества процессов: революционного освобождения и примирения социальных противоречий.

Экономические аспекты глобализации приносят с собой изменение традиционного симметричного соотношения «бедные - богатые» на социальной шкале, при котором оба члена этой оппозиции существовали в рамках общего контекста. Богатство и бедность становятся сегодня функциями глобальной транс-национальной экономической системы, в результате чего меняется сам способ занятости рабочей силы. Появляется феномен «новых бедных» (З.Бауман). Все эти процессы и трансформации социологи и экономисты объединяют вокруг понятия *«политэкономия неопределенности»*. Для такого социально-экономического пространства характерно отсутствие четких априорных социальных гарантий, нарастание неустойчивости, относительная непредсказуемость возможного места того или иного человека в обществе, общая незаданность его социального статуса.

В разделе 3.3 «Рыночная диалектика социально-имущественного неравенства: поиск количественных критериев» обосновывается необходимость выявления универсальной закономерности социально-имущественной дифференциации, анализируются гипотезы, благоприятствующие факторы и препятствия в механизме выравнивания и снижения дифференциации, обсуждается роль малого бизнеса в данном процессе, ставится проблема государственного вмешательства в перераспределение доходов и обсуждаются варианты ее разрешения. Анализируется гипотеза, в соответствии с которой расслоение общества является первоначальным и долгосрочным эффектом рыночной модернизации («кривая Кузнеца»).

В соответствии с закономерностью, выявленной С.Кузнецом, социально-имущественное расслоение в процессе модернизации сначала резко

увеличивается, а затем - при условии достаточно длительного и стабильного экономического роста - начинает снижаться, достигая в итоге относительно неизменного уровня. При этом данная отметка способна все же варьироваться в определенных пределах, в зависимости от национальных особенностей той или иной страны. Такая динамика обусловлена не столько перераспределительной политикой государственных структур, сколько определенными механизмами рыночной саморегуляции, способствующими «просачиванию» богатства в нижние слои общества. Государство может способствовать ускорению этого процесса, добавляя к этому просачиванию определенные эффективные меры, например, способствуя обучению малоимущих граждан. К благоприятствующим факторам снижения дифференциации относится, прежде всего, развитие малого бизнеса.

В четвертой главе «Материальное неравенство и социальная справедливость: абсолютные и относительные характеристики», состоящей из пяти разделов, в разрезе экономических аспектов социальной стратификации решается проблема соотношения социальной справедливости и экономической эффективности в процессе распределения благ. Это в свою очередь требует определения четких критериев и параметров социальной дифференциации, выявления ценностной нагруженности понятия неравенства и относительного, конструктивного, характера стратификации. Формулируется основная социальная дилемма рыночной модернизации, исследуется тип предпринимателя как новый социально-антропологический тип и как реализация модели «homo economicus», анализируется конститутивный для этой модели принцип рациональной эффективности. На материале исследований М.Вебера обсуждаются альтернативные марксистским категории анализа социальной стратификации.

В разделе 4.1 «Аксиологическая нагруженность понятия неравенства и относительный характер стратификации» обсуждаются общие вопросы проблемы социального неравенства, существующие исследовательские парадигмы, устанавливаются его виды, формы, критерии и параметры.

В качестве экспозиции выделяются базовые дистинкции (различия), без которых невозможен комплексный охват данной темы. Такие различия представлены в виде следующих оппозиций: «справедливое»/«несправедливое» неравенство, материальное/социальное, умышленное/спонтанное (например, этнически-социальное). Существует ряд неоднозначных форм неравенства, столкновение которых с моральной проблематикой справедливости порождает целый комплекс проблем и вопросов. К таким формам относится, в частности, социально-имущественное неравенство, что с естественностью порождает необходимость выделения четких *критериев* и *параметров* неравенства. Именно отбор и определение критериев, по которым сравниваются статусные позиции индивидов, предшествует в социальном пространстве появлению самого социального различия. Согласно современной точке зрения, набор критериев не является чем-то само собой разумеющимся и естественным, - это всегда так или иначе результат определенного *конструирования*, отражающий социальный опыт, интересы и ценности общественного субъекта.

Согласно марксистской традиции, процесс социальной дифференциации осуществляется по профессиональному и классовому признаку. В данной доктрине доминантное значение для выявления социальной дифференциации приобретают две категории - «собственность» и «разделение труда». Определенная система разделения труда и соответствующая ей ступень развития собственности детерминирует характер и уровень развития больших социально-неоднородных групп людей. Современная теория социальной стратификации включает в себя два различных подхода к феномену неравенства. Согласно представлениям М. Вебера, в основании социальной дифференциации лежат различия в параметрах социальной позиции (уровень доходов, престиж, власть, образование). Количественное выражение этих параметров рассматривается как объективная социальная реальность. Альтернативный вышеназванной парадигме структуралистский подход квалифицирует дифференциацию в обществе как следствие сравнения социальных позиций. Любое же сравнение всегда относительно и отсылает к той или иной системе ценностей, признаваемой в рамках данного конкретного общества. Однако все эти концепции неравенства так или иначе сходятся в признании основных критериев социального статуса. К таковым прежде всего относятся: а) административная и политическая власть; б) наличие и объем капитала как проявление отношений экономической власти; в) объем находящегося в потреблении личного имущества (непроизводительного богатства); г) объем и характер доходов; д) моральное вознаграждение, престиж, влияние (духовная власть); е) условия труда; ж) удовлетворенность своим статусом.

В разделе 4.2 «Средний класс как гарант уравновешенной дифференциации» исследуются социальные и экономические условия уравновешенной дифференциации в рамках рыночной экономики.

Главная социальная дилемма рыночной модернизации заключается в альтернативе между экономическим ростом, который неминуемо будет сопровождаться объективным усилением неравенства в обществе, с одной стороны, и возможным спадом темпов развития при уменьшающемся неравенстве, - с другой. Нравственные и этические аспекты неравенства как социальной несправедливости, взятые в контексте реалий экономической жизни, обнаруживают свою неоднозначность. В силу этих обстоятельств идея социальной справедливости, истолкованная в соответствии с расхожими уравнительными представлениями, оказывается утопичной, лишенной объективных экономических оснований.

Представители марксистской школы пытались решить эту проблему, основываясь на той предпосылке, что существование классов – однозначно нежелательный в здоровом обществе феномен, характерный лишь для определенного исторического этапа и нуждающийся в искоренении революционными средствами. Однако в рамках современной стратификационной теории акценты существенно смещаются. Неравенство понимается как необходимый, исторически закономерный, а главное - *функциональный* элемент общества как системы. Место оценочных суждений и социальной

критики неравенства занимает научное исследование механизмов и системной роли данного феномена в контексте общественных взаимосвязей. Экономически развитому и здоровому обществу требуется, собственно, не равенство как таковое (оно невозможно в силу объективных закономерностей системы), а относительно малая *дистанция* между верхними и средними (наиболее многочисленными) слоями общества. Общество, где четко обозначены позиции и интересы лишь бедных и богатых, антагонистично, неустойчиво, конфликтно. Можно предположить, что массовый средний класс уравновешивает социум и может стать гарантом его стабильности.

Результаты исследований стратификационной структуры российского общества последних нескольких лет показывают весьма высокую рассогласованность отечественного среднего класса по трем базовым характеристикам: уровень материального благосостояния, социально-профессиональный статус и так называемая «субъективная статусная оценка» (самоидентификация). Это существенно контрастирует с положением среднего класса в развитых капиталистических странах, где соответствующие параметры достаточно близки друг к другу, обеспечивая тем самым *массовость* и *стабильность* этого слоя общества.

В разделе 4.3 «Честный индивид» как вариант модели «Homo Economicus» на основе концепции Дж.Ролза, построенной в духе философии экономики, исследуется этический фундамент экономической деятельности, анализируются базовые принципы справедливого распределения, синтезирующие аспекты честности и эффективности.

В диссертации выделяются пять базовых принципов справедливого распределения социально - имущественных благ в обществе. Первые два относятся к общепризнанным требованиям рыночной экономики: это принципы равной свободы и равной доступности. Помимо них анализируются еще три: принцип различия (неравенства) индивидов; принцип честности (как ограничение принципа различия); принцип рациональной эффективности (как основание экономической справедливости). Формулировка первого принципа - «преимущества для всех», согласно же второму все, что может представлять собой благо для человека, должно быть равно открыто для любого члена общества. Принцип различия вводят идеи *свободы* и *справедливости*, сформулированные в контексте реалий современного общества, в соответствии с которыми они не предполагают одинакового процветания для всех и каждого: люди от природы неравны по своим способностям, талантам, склонностям и задаткам. Неравенство, согласно Ролзу, далеко не всегда противоречит справедливости: возможны и существуют *справедливые формы неравенства.* Однако степень благосостояния того или иного члена общества должна быть при этом обратно пропорциональна объему распространяющихся на него социальных гарантий и государственной поддержки. Вместе с тем "честный индивид" Ролза является не только моральным, но и рациональным. Если в соответствии со своей первой характеристикой индивид должен стремиться к максимально эффективной помощи бедным, то в соответствии со второй рационально организованная экономическая деятельность должна учитывать

факт ограниченности социальных ресурсов. Согласно принципу рациональной эффективности конфигурация эффективна, когда невозможно изменить ее так, чтобы сделать лучше одним людям без того, чтобы в то же время не сделать хуже другим.

Вместе с тем, не всякое эффективное экономическое поведение само по себе обязательно справедливо, поэтому два принципа социальной справедливости надстраиваются над рационально организованным экономическим поведением индивида, сужая и конкретизируя его. Проблема при этом заключается в нахождении из всех эффективных распределений такого, которое является еще и справедливым. Для этих целей недостаточно правовых гарантий «формального равенства возможностей» (принцип равной доступности), - необходимо соблюдение «требования открытости карьер талантам», при котором все имеют реальный доступ к стартовым экономическим возможностям и социальным шансам. В целом же, принцип эффективности можно выделить в качестве одного из важнейших атрибутов современного экономического человека, выражающего саму сущность этой новой модели рациональности. Идеальный тип экономического поведения, соответствующий данным требованиям, описывается моделью «честного индивида», выступающей вариантом модели «Homo economicus». Неотъемлемыми атрибутами «экономического человека» при этом признаются *моральность* и *рациональность* (трактуемая как основание эффективности).

Интерпретируя распределительную теорию, можно выстроить своеобразную пирамиду из трех основных ее принципов. В ее основание следует поместить принцип различия как условие социальной и экономической справедливости. Затем следует сужающий сферу его применения принцип честности как гарант социальной справедливости. И, наконец, принцип рациональной эффективности, находясь на вершине пирамиды, накладывается на предыдущий и элиминирует из того ряд противоречащих ему действий.

В разделе 4.4 «Теория стратификации М. Вебера» вычленяются методологические дистинкции социальной стратификации - страта, классовый статус, статусная группа, прослеживается критика классовой теории и понятия «класс», предлагается к анализу более широкое и гибкое понятие «классовой ситуации». Исследуется исторический генезис неравенства, рассмотренный в отношении его экономических детерминант (собственность как «первичный экономический факт» социальной дифференциации). Прослеживается логико-историческая дедукция фигуры предпринимателя - как первой реализации модели «Homo Economicus» - из фактов экономической истории.

Полемизируя с марксистской концепцией неравенства как функцией классовых различий, Вебер выделяет более мелкие единицы социальной дифференциации - *статусные группы.* Ученый также предлагает иное, более гибкое и динамичное, нежели «класс», понятие социальной стратификации – *«классовый статус»,* отрицая качественную однородность пролетариата как класса. Социально-имущественные различия, относительное различие интересов и устремлений между неквалифицированными, полуквалифицированными и квалифицированными рабочими, разный стаж –

все это исследователь относит к качественным различиям внутри «пролетариата». Можно выделить три параметра, которые наделяют индивида или целую группу определенным классовым статусом: материальные условия жизни, степень товарного обеспечения и общая удовлетворенность / неудовлетворенность своим социальным положением.

В результате формируются три типа классов: собственники, «стяжательский класс» и «социальный класс». В целом, понятия класса и классового статуса обозначают здесь только факт похожести в типичной ситуации, где множество индивидов определилось в своих экономических интересах. Иначе говоря, в теории стратификации классами называются динамические и временные структуры, которые могут образовываться и распадаться в зависимости от наличной экономической ситуации, а также от тех материальных и социальных ресурсов, которыми на данный момент обладает человек.

Методологически исследование Вебера направлено на обнаружение первичных и априорных факторов, лежащих в самом основании социально-имущественного неравенства и на прослеживание всей дальнейшей причинно-следственной цепи этой динамики дифференциации. В результате именно экономический способ распределения каналов доступа к материальным благам оказывается первичным по отношению к «жизненным шансам получения прибавочного продукта», которые он определяет и ограничивает. В процессе дальнейшего усложнения процессов социальной дифференциации в силу вступает действие закона предельной полезности, в соответствии с которым из соревнования за обладание высоко ценимыми товарами постепенно, но неумолимо исключаются все экономические агенты, не владеющие крупной собственностью. С этого «момента» динамика дифференциации принимает необратимый характер, наделяя всех участников экономической игры фиксированными ролями в зависимости от их места в уже кристаллизовавшейся социально-имущественной иерархии. Именно в этом - одновременно логическом и историческом - пункте появляется фигура *предпринимателя* как такого экономического агента, который способен организовывать экономический процесс уже на сознательно контролируемых основаниях. Предприниматель - субъект рациональной целесообразной экономической деятельности, в которой все подчинено рациональной цели извлечения максимальной прибыли при минимальном расходе ресурсов. Таким образом, исторически предприниматель - это тот, кто получил наилучший доступ к собственности и рационально ею распорядился, получив возможность осуществлять ее аккумуляцию, оборот капитала и наращивание прибавочного продукта.

В разделе 4.5 «Предприниматель как субъект рыночного хозяйства» рассматриваются основные концепции предпринимательства, выделяются его конститутивные элементы, внутренние и внешние критерии идентификации, формулируется определение предпринимательской деятельности.

В концепции предпринимательства, как она представлена в классических экономических и социальных теориях, выделяются четыре основных этапа. В

рамках теорий классической и неоклассической экономических школ предприниматель – это скорее анонимная *функция* экономического механизма. В рамках новоавстрийской школы была выявлена роль предпринимателя как активного элемента рынка, использующего рыночные возможности в соответствии со своими стратегическими задачами. В теории экономического роста Й. Шумпетера предприниматель изображен активным преобразователем и созидателем рынков. Дальнейшая разработка социальных, психологических и исторических аспектов этого идейно-духовного среза предпринимательской деятельности осуществлялась представителями немецкой исторической школы (Вебер, Зомбарт).

Определение четких *внешних критериев* экономической активности предпринимателя необходимо для того, чтобы отграничить ее от смежных и внешне сходных видов экономической деятельности - спекулянта, рантье и посредника. От них чисто предпринимательскую деятельность отличает наличие следующих структурных моментов: а) возможность организации нового производства; б) дробление существующих предприятий; в) преобразование формы собственности предприятия путем национализации или приватизации; г) акционирование государственных или частных фирм; д) возможная последующая трансформация структуры фирм.

Различные сочетания и комбинации *внутренних критериев* порождают видовые различия внутри предпринимательства как единого социально-психологического типа. Обобщение всех приведенных выше характеристик и атрибутов предпринимательства позволяет определить его как такую экономическую деятельность, которая, реализуясь в среде рыночных отношений, включает в себя *активное преобразование организационных структур* любого рода.

В пятой главе «Homo economicus» как теоретический конструкт», состоящей из двух разделов, анализируются особенности предмета и границы метода экономической теории, а также исследуются методологические аспекты «Homo economicus» как антропологической модели.

В разделе 5.1 «Экономическая теория: своеобразие предмета и метода» проводится различие предмета и объекта экономической науки и обосновывается ее методологический статус.

Понимание методологических особенностей экономической теории зависит от квалифицированного различения ее содержательного объекта и формального предмета. Ее объект составляет хозяйственная деятельность человека, в контексте же интересующих нас тем можно выделить одну из возможных спецификаций этого общего объекта, а именно - соответствующие необходимые для этой деятельности *аспекты человеческой природы*. Их анализ предполагает рассмотрение особого *типа рациональности*, заложенного в экономической деятельности как таковой, а также процедур рационального выбора и принятия решений. Речь здесь идет уже о предмете экономического исследования.

В методологическом отношении экономическая теория занимает промежуточное положение между естественными науками с

соответствующими им точными математическими методами и науками социальными, в которых используется главным образом герменевтическая методология. Экономическая теория имеет дело только с *внешними проявлениями* и результатами сознательных предпочтений, которые выражаются в отдельных, эмпирически наблюдаемых актах выбора. При этом все, что есть в этих предпочтениях содержательно и качественно различного, выносится за скобки, - остаются только формальные количественные параметры и величины, соответствующие «силе» (интенсивности) сравниваемых потребностей. При таком подходе различные виды потребностей, выраженные одной величиной, принимаются за тождественные и, как следствие, признаются взаимозаменяемыми. Возможность количественного измерения явлений оказывается гарантом научности экономической теории, а денежный эквивалент силы предпочтений составляет основу понятия точности в этой науке, отличного от аналогичного понятия, выработанного естественнонаучным знанием.

В соответствии со спецификой своего предмета экономическая теория является *аксиологически нейтральной.* Социальный аспект этой нейтральности заключается в различении понятий «норма» и социальная «справедливость», которые здесь не могут совпадать: факты «нормального» поведения в экономическом смысле далеко не всегда являются «справедливыми» с более общей гуманистической точки зрения. В этом смысле понятие «нормы» в экономической науке выступает синонимом «закономерности» и означает всего лишь преобладание данных долговременных тенденций при данных условиях.

С этим связан *гипотетический статус* большинства закономерностей и моделей экономической науки. Связь идеальных моделей (прогнозов, конструкций, гипотез) и реальных процессов здесь носит более сложный и неоднозначный характер, нежели простая связь причины и следствия. Экономист изучает следствия, которые кажутся результатом действия определенных причин, но результат этот не абсолютен, а возникает лишь при прочих равных условиях и лишь в том случае, если между причинами и прогнозируемыми в теории следствиями не встают какие-либо дополнительные реальные факторы частного порядка. Кроме того, целый ряд проблем экономического анализа связан с временным фактором анализируемых явлений и процессов. Чтобы полностью раскрыться в экономической практике, либо опровергнуть теоретические выкладки прогнозируемые тенденции должны обладать достаточной длительностью.

***В разделе 5.2 «Методологические основания «Homo economicus»* как антропологической модели: идеализация, конструктивность, символичность»** обосновывается методологический статус модели «Homo economicus» в качестве «идеального типа» и результата абстракции als ob, проводится последовательное различение двух понятий «экономического человека» - как теоретического конструкта и как психологического *типа личности.*

«Экономический человек» – это теоретическая модель человека, из которого элиминированы все психологические и духовные мотивации и качества, не относящиеся к экономической деятельности, результат сведения

индивидуального поведения к рациональной целесообразной деятельности, условий и обстоятельств этого поведения – к наличию ограниченных экономических ресурсов, а его мотивов – к нацеленности на извлечение возможного максимума полезности из данных условий. Рассмотрение же феномена человека во всем многообразии его духовных, этических и психологических свойств не относится к экономической науке, - так понятый целостный человек составляет предмет философской антропологии. Поэтому здесь уместными оказываются обобщающие методы и процедуры - *конструирование и абстрагирование,* - посредством которых ученый-экономист редуцирует такое многообразие к общезначимым понятиям и сущностям. Другими словами, «человек экономический» - это *идеализация*, моделирование человеческого поведения в сослагательной модальности *«als ob»* («как если бы»): как если бы в своем повседневном существовании человек действовал исключительно под влиянием экономического принципа, преследуя только экономический интерес и не считаясь со всеми прочими своими и чужими мотивами и интересами.

В целом, *идеализация* как одна из важнейших составляющих любого научного инструментария, имеет в виду прежде всего логические и онтологические основания того или иного феномена, а не собственно описание его фактического состояния. Такие понятийные конструкции экономической теории, как «совершенный рынок» или «чисто плановое хозяйство» могут служить хорошими примерами предельных типов. Эти понятия обозначают чисто логическую оппозицию, некие *тенденции* развития, к которым тяготеют экономические реалии. Методологический статус анализируемой в работе модели представляется вполне возможным обозначить как *«идеальный тип»*.

В современной литературе прослеживаются две тенденции в исследовании проблематики Homo Economicus, в результате чего были разработаны два разных истолкования данного термина, которые зачастую смешиваются. Первое понятие предполагает Homo economicus как чисто теоретическую модель, сумму антропологических предпосылок и допущений, взятых в их предельном виде. Другими словами, речь идет *о Homo economicus как о научной идеализации*. Во втором же случае рассуждают о *Homo economicus как о неком типе личности*, с соответствующим типом поведения, способностями, склонностями и ценностными предпочтениями.

В шестой главе «Экономическая рациональность: история и современность», состоящей из четырех разделов, анализируются особенности, критерии и следствия экономической рациональности, исследуется концепция экономической рациональности как максимизации полезности, обосновывается непродуктивность моральной критики экономического человека. Разрабатываются базовые категории философского анализа экономической деятельности, выдвигается и обосновывается гипотеза о коррелятивности и структурной конгруэнтности экономического принципа и структуры человеческой рациональности.

В разделе 6.1 «Экономическая деятельность и ее ценностные основания» выделяются конститутивы капиталистической хозяйственной

деятельности, сопоставляются этические и психологические черты раннего и современного экономического человека и выдвигается тезис о субстанциальности капиталистических процессов.

В описаниях Вебером «капиталистического духа» можно выделить два относительно самостоятельных аспекта: анализ собственно капиталистического «*духа*» и анализ особой капиталистической *рациональности*. Первое образование представляет собой некую культурную среду, ставшую благодатной для вызревания капиталистического мироощущения. Второй же, более узкий феномен – это уже те конкретные формы, в которых кристаллизуется указанное мироощущение, набор допущений и предпосылок о том, что значит быть рациональным. На страницах «Протестантской этики...» предпринят анализ структуры особой *экономической рациональности* и ее конститутивных элементов. Именно такую рациональность следует считать характеристикой, выстраивающей все поведение Homo economicus. Согласно немецкому социологу, сама по себе неуправляемая энергия страсти к наживе еще не является отличительным признаком капиталистического духа, - необходимо ее рациональное оформление по ряду признаков: а) рациональная организация свободного труда в форме предприятия; б) нормирование хозяйственной деятельности; в) ориентация экономической активности на товарный рынок, а не на политическую борьбу или иррациональную спекуляцию; г) отделение предприятия от домашнего хозяйства.

Эти формальные условия следует отличать от конкретной рациональной процедуры принятия решений, в качестве образующих элементов которой Вебер выделяет контроль, координацию, инициативу, анализ и гибкую ценовую политику. Пытаясь закрепиться в чуждой среде *традиционной экономической культуры,* эти элементарные формы рациональной организации производства сталкиваются с серьезными трудностями. Экономическая мотивация рабочего ранней стадии капитализма еще сильно отличается от установок предпринимателя нового типа, поскольку укоренена в совершенно *иной ментальной культуре*, воспитывавшейся веками. В соответствии с этой культурой, увеличению заработка человек предпочитает облегчение работы. Появлению *нового экономически-антропологического типа* должны были предшествовать глубинные историко-культурные процессы, которые постепенно начнут вырабатывать у человека необходимые для экономической рациональности этические и психологические качества: осмотрительность, решительность, расчетливость, сдержанность, умеренность и упорство, способность трезво оценивать ситуацию и предприимчивость, верность принципам, преданность выбранному делу и честность. Приумножение капитала такой человек понимает как этическую норму, организующую весь его жизненный уклад при полном отказе от наслаждений, даруемых деньгами.

В диссертации отмечается, что вопрос о факторах, препятствующих или благоприятствующих ассимиляции рациональных форм экономической практики, отсылает нас к более широкой проблематике. Речь идет о той социо-культурной, национальной и религиозной *среде жизненных привычек* и устоявшегося образа действий, в которую с неизбежностью оказывается

погружена любая экономическая деятельность. Все эти аспекты можно обобщить в понятии *экономической культуры*. Последняя, сформировавшись вокруг протестантских представлений о труде как «мирской аскезе», оказалась благодатной почвой для генезиса капитализма.

На новом уровне своего анализа немецкий социолог переходит к описанию *«социальной этики»* капиталистической культуры – того мироощущения, в рамках которого труд воспринимается как нечто самоценное. Сама по себе экономическая рациональность не в состоянии обеспечить себя этим условием, нуждаясь в этической подпитке религиозного духа. Принцип максимальной полезности мог укорениться в экономической деятельности только в форме «призвания», и то, что сегодня редуцируется до уровня простой эгоистической расчетливости, изначально было погружено в контекст представлений о долге. Это означает, что существует *генетическая связь принципа рациональной полезности и идеи профессионального долга.* Все это дает нам основания рассматривать капиталистический дух как *онтологическое условие* экономической рациональности.

Унаследовав от своего исторического предшественника тип рациональности, современный Homo economicus практически полностью обесценил своеобразие его «духа», который теперь полностью сводим к «рациональности». Тем не менее, реалии современной экономической жизни постепенно вырабатывают комплекс представлений, которые можно поставить на одну доску с уходящим в прошлое понятием капиталистического «духа». Речь идет о так называемой *экономической культуре*, которая, будучи многослойным «социальным телом» экономического человека, существует вне строго конфессиональных и национальных рамок.

Анализ концепции Вебера позволяет сделать вывод о наличии у капиталистических механизмов внутренней над-индивидуальной логики развития: достигнув определенной вершины развития, эта экономическая система отбрасывает не нужную ей больше опору. И как в свое время капитализм сумел разрушить старые религиозные формы регламентации хозяйства, так и теперь он *использовал* энергию самих религиозных идей в своих собственных целях: они теперь выполняют функцию необходимой *на определенном этапе* мотивации поведения индивидов. Капитализм сам «воспитывает» и «создает» необходимых ему хозяйственных субъектов посредством экономического *отбора.* Таким образом, ни материальные условия, ни даже конкретные культурно-исторические формы не являются достаточными основаниями для возникновения нового типа отношения к экономической деятельности.

В разделе 6.2 «Сущность и составные элементы экономической рациональности» вскрывается специфика экономической рациональности в контексте традиционных философских представлений, определяются ее критерии и границы применимости, выводятся следствия из модели рационального индивида.

Экономическую рациональность следует понимать как совокупность способов и процедур оптимизации экономической системы (В.С. Автономов).

Кроме того, рациональность в экономической теории определяется исключительно формально - как максимизация какой-либо целевой функции при данных ограничениях. При этом нахождение наилучших средств осуществляется безотносительно к самим конкретным целям, что выражается в понятии экономического «предпочтения». Последнее приводит экономическую науку к концепции *внутренне непротиворечивой* (последовательной, иерархически выстроенной и независимой от внешних содержаний) *системы предпочтений.* Структура экономической рациональности рассматривается также и как полностью независимая от индивидуальных психологических процессов.

Таким образом, *формализм* (нейтральность в отношении содержания целей), *антипсихологизм* (независимость от процессов формулирования выбора), требование *осознанности, целенаправленность* и *оптимизация* – вот те критерии, по которым следует отличать рациональное поведение в смысле экономической науки от всех других форм рациональности. При этом предполагаемая рациональность индивида присутствует в экономической теории в качестве аксиомы; это тотальное условие любой человеческой деятельности, которое совпадает с самими априорными границами человеческого существования. Такое определение рациональности не совпадает с ее расхожим истолкованием как разумности.

Постулат о рациональности задает фундамент для описания экономических процессов в терминах математических закономерностей, поскольку, во-первых, делает поведение индивида предсказуемым и стратегически просчитываемым, а во-вторых, уравнивает поведение потенциально бесконечного множества субъектов. В целом, рассмотренная модель не универсальна и имеет свои границы применимости. Во-первых, она будет работать и объяснять экономические факты только при определенном условии – если нет необходимости учитывать возможные ответные действия других индивидов. Во-вторых, данная гипотеза сама по себе не обладает достаточным концептуальным ресурсом для объяснения всего многообразия рыночных процессов и нуждается в служебной гипотезе об одинаковом поведении экономических субъектов, а также в более широких концепциях конкуренции, равновесия и всеохватности рынков. В-третьих, «максимизация полезности» как рабочая гипотеза является только одной из возможных объясняющих моделей экономических процессов.

Обусловленность, относительная несамостоятельность и неполнота составляют, таким образом, область ограничений на применимость модели рационального индивида. Данные свойства этой модели только очерчивают границы ее применимости, которые необходимы любому теоретическому построению, и внутри которых эта модель весьма убедительно работает, сводя к единому основанию множество разрозненных фактов современной экономической практики.

В разделе 6.3 «Антропологическая модель: единство мотивационного, вычислительного и информационного» анализируется модель «рационального максимизатора полезности» в историческом и систематическом разрезах,

вскрываются ее психологические, метафизические и антропологические предпосылки.

Антропологические презумпции экономических теорий по большей части не формулируются их авторами напрямую. С точки зрения построения теории, которая позволяла бы адекватно объяснять факты экономической жизни, лежащая в ее основании антропологическая модель не нуждается в специальной экспликации. В этой связи в рамках работы одного того же автора можно различать эксплицитную и имплицитную методологию, заявленную самим автором нормативную модель и предпосылки, которые диктуются имманентной логикой самой теории. Имплицитная антропологическая модель, как правило, представляет из себя некое «слепое пятно» экономической теории, поскольку может присутствовать в теории в качестве некритически принятой предпосылки.

В вопросах классификации основных моделей «экономического человека» привлекается эвристически плодотворный подход В.С. Автономова. В качестве отправной точки он выделяет маржиналистскую и неоклассическую модели. Соответственно, все смежные модели экономического человека можно выстроить по линии тех или иных модификаций этой основной концепции. Маржиналистская революция 1870 г. свела проблему ценности к психологии потребительского выбора. Модель «экономического человека» как «рационального максимизатора полезности» в более или менее явном виде можно обнаружить в маржиналистских теориях предельной полезности (К.Менгер, У.Джевонс, Л.Вальрас). Базовая идея этих концепций - «максимизация полезности» - своим происхождением обязана утилитаристскому учению Бентама. Результатом этого стала достаточно узкая и поверхностная модель человека, автоматически реагирующего на раздражители внешнего мира и в своих выборах руководствующегося только чувством удовольствия.

Как следствие, возникает «объективистское» направление экономической теории (Хикс, Самуэльсон, Фишер, Дэвенпорт), представители которого стремились вытеснить любые психологические импликации экономической науки за ее пределы. Отнеся проблему стоимости как ценности в разряд внеэкономических, приверженцы радикального антипсихологизма сосредоточились на анализе кривых спроса и предложения (так называемых «кривых безразличия»), не содержащих специальных ссылок на те или иные особенности человеческой природы. Можно выделить два главных следствия антипсихологистской критики модели рационального максимизатора полезности. Во-первых, это отказ от понятия полезности, следствием которого стало практически полное устранение темы мотивации из сферы экономического анализа. Во-вторых, это изменение самого концептуального аппарата при обращении с моделью Homo economicus: отныне психологическая терминология и инструментарий сменяются строго математическими методами, а сама антропологическая модель получает статус логической абстракции. В целом же, для представителей «объективистского» направления характерна ярко выраженная установка на антиметафизичность и антипсихологичность

своих теорий.

В разделе 6.4 «Homo economicus и тотальность экономического принципа» обосновывается непродуктивность моральной критики экономического человека, разрабатываются базовые категории философского анализа экономической деятельности, выдвигается и обосновывается гипотеза о коррелятивности экономического принципа и структуры экономической рациональности.

Суждения приверженцев социальной критики современного постиндустриального капитализма о предельной эгоистичности и почти животной примитивности «экономического человека» представляются нам недостаточно обоснованными. В соответствующих теориях тезисы, имеющие явный морально-оценочный характер, неоправданно претендуют на статус объективных теоретических суждений. То, что при капитализме рабочая сила становится товаром, - это объективный и нередуцируемый факт экономической действительности. То же и с «рационализмом» и «эгоизмом»: экономическая наука оперирует этими понятиями не в уничижительно-моральном смысле, а рассматривает их в качестве этически *нейтральных* гипотез и теоретических допущений. Если же интерпретировать данную модель в психологическом или этическом ключе (то есть как «образ» человека»), то она действительно может выглядеть как некая карикатура на человеческую природу.

Экономический принцип укоренен в самом существовании человека, а не является чем-то искусственным и навязываемым ему извне анонимной Системой, как это пытаются представить критики капитализма. Он подпитывается мощными витальными силами человека – честолюбием, стремлением к признанию, потребностью в самоутверждении, потребностью в овладении и активном преобразовании действительности. Метафизическая и моральная ценность этих потребностей зависит от перспективы и исследовательских приоритетов, но, будучи объективными свойствами человеческой природы, они нуждаются в адекватной и социально приемлемой форме для своего воплощения, которую им и предоставляют рыночные механизмы. Главный же аргумент против моральной критики экономического принципа, на наш взгляд, заключается в его коррелятивности с рациональной структурой человеческого разума. Последний оказывается чрезвычайно подходящим инструментом для наилучшего приспособления человека к экономической среде (через извлечение максимума пользы при ограниченных ресурсах и возможном минимуме затрат).

В порядке обобщения нам представляется уместным выделить несколько базовых категорий, в которых удобно расчленять и анализировать структуру экономической деятельности и ее закономерности. В работе выделяется пять таких категорий: «энергия», «экономический механизм», «объективный принцип», «субъективный принцип», «экономической действие». Данная схема носит, конечно, весьма абстрактный и потому условный характер, но, на наш взгляд, отсутствие единой стройной концепции экономической деятельности сегодня отчасти связано именно с нехваткой таких предельно общих, логически точных понятий и категорий для ее описания. Таким образом, экономическая

система могла породить только такого человека, который способен полноценно действовать, функционировать и утверждать себя в рамках этой системы. Который, следовательно, должен быть наделен определенной способностью, коррелятивной этой системе в своих основных моментах и позволяющей ему адекватно в ней ориентироваться и к ней приспосабливаться. В общем виде такую способность можно назвать «экономической рациональностью», а в категориях экономической науки она описывается моделью эффективной рациональности как максимизации полезности. Сумма же всех предельных логических требований к такому человеку составляет антропологическую модель «Homo economicus».

Такая корреляция ни в чем не противоречит феномену отчуждения как элементу любой человеческой практики. Отчуждаясь от человеческой деятельности и превращаясь в самостоятельный объект, рынок в своей структуре затем на ином, более сложном уровне *воспроизводит структуру человеческой рациональности.* Неудивительно поэтому, что в объективных требованиях и условиях, предъявляемых ему рынком, «человек экономический» узнает требования и аксиомы собственной рациональности.

В «Выводах» подводятся итоги и намечаются пути дальнейшего методологического обоснования философии экономики посредством анализа антропологических и эпистемологических аспектов экономической теории.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

Монография:

1. Кизилова, Н.М. Человек и экономический порядок: философия экономики в понимании социальных процессов / Н. М. Кизилова. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2005. - 184 с.

Публикации в изданиях, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ:

2. Кизилова, Н.М. Философско-антропологические основания либеральной идеологии / Н. М. Кизилова // Известия Самар. науч. центра Рос. акад. наук. - Самара, 2006. - С. 34-41.

3. Кизилова, Н.М. Политическая экономия неопределенности: новая архитектура социальных оппозиций / Н. М. Кизилова // Известия Самар. науч. центра Рос. акад. наук. - Самара, 2006. - С. 12-18.

4. Кизилова, Н.М. Антропологическая модель "homo economicus": методологические основания / Н. М. Кизилова // Известия Самар. науч. центра Рос. акад. наук. - Самара, 2006. - С. 72-76.

5. Кизилова, Н.М. Феномен рациональности в экономической теории / Н. М. Кизилова // Известия Самар. науч. центра Рос. акад. наук. - Самара, 2006. - С. 67-71.

Публикации в других научных изданиях:

6. Кизилова, Н.М. Экономическая культура в процессе реформирования общества / Н. М. Кизилова // Современный российский менеджмент: состояние, проблемы, развитие: Сб. ст. IV Междунар. науч.-методич. конф. - Пенза: Приволж. Дом знаний, 2005. - С. 114-116.

7. Кизилова, Н.М. Методологический статус философии экономики / Н. М. Кизилова // Философия. Наука. Культура. - М.: Изд-во Моск. ун-та, 2005. - Вып.11. - С. 92-97.

8. Кизилова, Н.М. Проект "философия хозяйства" в отечественной интеллектуальной традиции / Н. М. Кизилова // Философия. Наука. Культура. - М.: Изд-во Моск. ун-та, 2005. - Вып.11. - С. 144 - 148.

9. Кизилова, Н.М. Философия и экономика: специфика взаимосвязи / Н. М. Кизилова // Философия. Наука. Культура. - М.: Изд-во Моск. ун-та, 2005. - Вып.11. - С. 273-278.

10. Кизилова, Н.М. Идея разума как идеологическое основание экономических преобразований / Н. М. Кизилова // Философия. Наука. Культура. - М.: Изд-во Моск. ун-та, 2005. - Вып.11. - С.32-37.

11. Кизилова, Н.М. Феномен "развивающегося общества" и возможные идеологии модернизации / Н. М. Кизилова // Философия. Наука. Культура. - М.: Изд-во Моск. ун-та, 2005. - Вып.11. - С. 213-219.

12. Кизилова, Н.М. Экономическая ментальность: региональная специфика / Н. М. Кизилова // Рынок труда и качество профессионального образования: Сб. ст. Всерос. науч.-практ. конф. - Пенза: Приволж. Дом Знаний, 2005. - С. 21-23.

13. Кизилова, Н.М. Управление экономикой и корпоративная культура / Н. М. Кизилова // Проблемы управления экономикой в трансформируемом обществе: Сб. ст. II Всерос. науч.-практ. конф. - Пенза: Приволж. Дом Знаний, 2005. - С. 18-21.

14. Кизилова, Н.М. Феномен уравновешенной дифференциации в общественном развитии / Н. М. Кизилова // Человек в современном мире: очерки философской антропологии. - Калуга: Эйдос, 2006. - С. 46-50.

15. Кизилова, Н.М. Понятие социального неравенства: ценностные коннотации / Н. М. Кизилова // Человек в современном мире: очерки философской антропологии. - Калуга: Эйдос, 2006. - С. 139-142.

16. Кизилова, Н.М. Концепт "честный индивид" и его место в философии экономики / Н. М. Кизилова // Человек в современном мире: очерки философской антропологии. - Калуга: Эйдос, 2006. - С. 176-182.

17. Кизилова, Н.М. Дистинкции социальной стратификации: страта, классовый статус, статусная группа / Н. М. Кизилова // Человек в современном мире: очерки философской антропологии. - Калуга: Эйдос, 2006. - С. 196-203.

18. Кизилова, Н.М. Предприниматель как субъект рыночного хозяйства / Н. М. Кизилова // Человек в современном мире: очерки философской антропологии. - Калуга: Эйдос, 2006. - С. 210-213.

19. Кизилова, Н.М. О возможной концептуальной схеме объяснения экономической дифференциации / Н. М. Кизилова // Философия. Наука. Культура. - М.: Изд-во Моск. ун-та, 2006. - Вып. 1: Сборник статей слушателей, соискателей кафедры философии ИППК МГУ - С. 151-158.

20. Кизилова, Н.М. Методологические предпосылки современных концепций стратификации / Н. М. Кизилова // Философия. Наука. Культура. - М.: Изд-во Моск. ун-та, 2006. - Вып. 1: Сборник статей слушателей, соискателей кафедры философии ИППК МГУ - С. 268-272.

21. Кизилова, Н.М. Исходные дистинкции осмысления социальной дифференциации / Н. М. Кизилова // Философия. Наука. Культура. - М.: Изд-во Моск. ун-та, 2006. - Вып. 1: Сборник статей слушателей, соискателей кафедры философии ИППК МГУ - С. 8-11.

22. Кизилова, Н.М. Экономический принцип как онтологический феномен / Н. М. Кизилова // Философия. Наука. Культура. - М.: Изд-во Моск. ун-та, 2006. - Вып. 1: Сборник статей слушателей, соискателей кафедры философии ИППК МГУ - С. 188-194.

23. Кизилова, Н.М. Своеобразие предмета и метода в экономической теории / Н. М. Кизилова // Философия. Наука. Культура. - М.: Изд-во Моск. ун-та, 2006. - Вып. 1: Сборник статей слушателей, соискателей кафедры философии ИППК МГУ - С. 98-104.

24. Кизилова, Н.М. Интеграция социальной системы: проблема критерия / Н. М. Кизилова // Вестн. Волж. ун-та им. В.Н.Татищева. Сер. Философия. - Тольятти, 2006. - Вып. 7. - С. 169-173.

25. Кизилова, Н.М. Методологические основания идеальных конструкций в экономической теории / Н. М. Кизилова // Философия. Наука. Культура. - М.: Изд-во Моск. ун-та, 2006. - Вып. 2: Сборник статей слушателей, соискателей кафедры философии ИППК МГУ - С. 18-23.

26. Кизилова, Н.М. Экономическая рациональность и ее специфические параметры / Н. М. Кизилова // Философия. Наука. Культура. - М.: Изд-во Моск. ун-та, 2006. - Вып. 2: Сборник статей слушателей, соискателей кафедры философии ИППК МГУ - С. 51-57.

27. Кизилова, Н.М. Экономический принцип: онтологический способ функционирования / Н. М. Кизилова // Философия. Наука. Культура. - М.: Изд-во Моск. ун-та, 2006. - Вып. 2: Сборник статей слушателей, соискателей кафедры философии ИППК МГУ - С. 83-88.